

22

Леонид ЛЕОНОВ.

ЛАУРЕАТЫ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ

ПРИСУЖДЕНИЕ Л. М. Леонову Ленинской премии совпало со знаменательной для писателя датой: 35 лет назад был напечатан его первый рассказ. Уже сравнительно ранее произведение Леонова — роман «Соть» — привлекло внимание Горького, отмечавшего и своеобразный язык молодого писателя и мастерское построение сюжета.

Леонов стремится обнажить цепкие корни всего враждебного нашей советской жизни, подметить видоизменения, которые принимает всякая нечисть, чтобы прижиться при социализме.

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ И ЕГО «РУССКИЙ ЛЕС»

В «Русском лесе» писатель смело показал многое такое, что еще не являлось на страницах современных книг, поставил вопросы, которые были у всех на устах, но еще не обрели яркого художественного выражения.

Снова — в который раз! — явился на сцену конфликт честного и принципиального ученого с карьеристом. Казалось бы, что тут можно сказать нового? Но, по остроумному замечанию известного венгерского шахматиста Рихарда Рети, там, где для слабого игрока все ясно, для сильного — все тайна.

Кропотливо и объективно рисует автор романа картину ожесточенной борьбы в науке о лесе, и неожиданно оказывается, что человек, который, на первый взгляд, стоит на передовых, подлинно марксистских позициях и болеет всей душой за «котлованы плителок», на деле жалкий демагог и приспособленец, а тот, кто мог показаться тупым консерватором, и есть принципиальный ученый, отстаивающий свои взгляды независимо от конъюнктурных соображений.

Научные взгляды Вихрова, разделяемые автором романа, подвергались сомнению некоторыми специалистами. Но даже если Вихров ошибся в своих прогнозах, преувеличив опасность, угрожающую лесным массивам и водным ресурсам или наметив не

совсем те меры, какие надо, — его выступление все равно остается образцом поведения для всякого ученого (да и не только ученого!), ибо недостойно осторожности ради скрывать свои суждения, если они идут вразрез с общепринятыми.

Вихрову не хватает наступательной энергии, временами его охватывает отчаянная усталость от борьбы с увертливым Грацианским, и он почти готов перестать писать и готов уехать к себе на родину, в лесничество. Но, становясь благодаря автору почти очевидцами той мучительной многолетней осады, которую выдерживает герой, мы не вправе его осуждать за эти колебания.

Леонид Леонов не произносит ни речей в защиту Вихрова, ни филиппик по адресу Грацианского, но у читателя с каждой новой страницей крепнет впечатление, что автору стоит большого труда обречь себя на это невмешательство и сохранять видимость бесстрастия. Изображая зловещую фигуру Грацианского, цинично спекулирующего высокими идеями, Леонов предоставляет судить о нем читателю, но нет-нет да и колкнет противника тонким намеком на неблагоприятность каких-то его поступков, еще не выступивших перед читателем в истинном свете. Почти зримо представляешь себе досадливое и чуть ли не мученическое выражение лица

рассказчика, вынужденного оглашать перед нами триумф Грацианского и сообщать

о злключениях Вихрова. Невысказанная ненависть к одному и молчаливое сочувствие и уважение к другому витают над страницами книги и ведут читателя все дальше и дальше по сложному сюжетному лабиринту, к полному развенчанию Грацианского. Вся эта дорога не менее красочна, чем описанное в романе путешествие двух робких и отважных деревенских мальчуганов (один из них — маленький Ваня Вихров) в тогда еще дремучий бор Облог, и не менее драматична, чем блуждания дочери Вихрова Поли, посланной во время войны в немецкий тыл.

Вы и впрямь идете русским лесом, где то дух захватывает от мрачности окружающего ландшафта, то открывается пестрящая цветами прогалина. У вас хороший провожатый, он выведет вас на опушку, но только после того, как вы исходите за ним множество просек и тропок, после того, как много раз восхититесь словами, которые он как бы походя покажет вам, как созревшую под листком земляничную ягоду, как только что пробившего скорлупку птенца, как прозрачную каплю смолы, выступившую на древнем, потрескавшемся стволе.

Это не мимолетная прогулка. Вы вернетесь из этой книги, как после долгой ходьбы, когда в глазах еще стоит все только что виденное и есть что вспомнить, и есть о чем подумать.

А. ТУРОВ.

Комсомольская правда
г. Москва

27 АПР 1957